

П.Х. Хунарикова, И.Б. Бачалова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

Ключевые слова: художественно-историческая тема, поэзия, традиции, творчество, литература, мотив, народная поэзия, поэма.

Аннотация: данная статья посвящена исторической теме в поэзии С. Есенина. Авторы рассматривают исторические проблемы в поэзии С. Есенина, а также определяют роль творчества поэта для современной России.

P.H. Hunarikova, I.B. Bachalova

THE HISTORICAL THEME IN THE POETRY OF ESEININ

Keywords: art-historical theme, poetry, traditions, art, literature, motif, folk poetry, a poem.

Abstract: the article examines the historical theme in the poetry of Esenin. The author explores in his work historical problems in poetry Esenin, shows the role of the poet in contemporary Russia.

Прошлое слито с настоящим как в произведениях на современные, так и на исторические темы. История на каждом шагу входит в современность, и каждый писатель и поэт, независимо от того, пишет ли он на исторические темы или нет, не может избежать своего художественного отношения к исторической жизни народа, не может обойтись без исторического опыта, и у каждого складывается сознательно или бессознательно свой художественный историзм, своя художественно-историческая концепция.

Художественно-историческая концепция – это не просто исторические взгляды или научно установленное понимание объективных законов развития общества. Это прежде всего художественное, поэтическое восприятие истории и современности в их слитности. Это усвоение литературно-исторических тради-

ций, прочно заявляющих о себе в современной жизни. Это народная память, отраженная в художественном произведении. И неслучайно Л.Н. Толстой как-то заметил: «Память уничтожает время».

Художественно-историческая концепция составляет одно из важнейших слагаемых художественного своеобразия писателя, неотъемлемую грань его творческого облика. Выяснить эту грань художественного дарования – одна из актуальных задач современного литературоведения. Своеобразна и неповторима эта грань в поэтической системе С. Есенина.

Сергей Есенин формировался как человеческая личность и как поэт в крестьянской семье, патриархальные устои которой начали ломаться над напором новых социальных и бытовых столкновений. Его детские, отроческие и юношеские годы прошли в крае, богатом историческими событиями.

Село Константиново, расположенное на высоком берегу среднего течения Оки, было свидетелем многих из них. Оно находилось недалеко от тех мест, где произошла знаменитая битва московских и рязанских войск на реке Воже, когда московский князь Дмитрий Иванович применил новую военную тактику в борьбе с золотоордынскими ханами и разбил золотоордынские войска Бегича. Это Сражение было своего рода репетицией к Куликовской битве. Еще раньше эти места испытали страшное опустошение от грабительских полчищ Батыя. Исторические события этих мест оставили глубокий след в памяти народа. Они зафиксированы и в литературных памятниках, и в устной народной поэзии.

Борьба Руси, за независимость не могла не пробуждать воображение мечтательного и дерзкого ученика Спас-Клепиковской учительской школы, где на уроках истории и русской словесности он не раз слушал рассказы о годах тяжелого разорения родного края и всей Руси, эти рассказы дополнялись устно-поэтическими сказаниями, смешанными с апокрифическими назиданиями. Мастером таких сказаний был дед Сергея Есенина. На рязанской земле возникла знаменитая «Повесть о Разорении Рязани Батыем в 1237 году» с ее поэтизацией героического подвига Евпатия Коловрата и устная народная баллада «Авдотья Рязаночка», ге-

роиня которой совершила не менее дерзкий подвиг, покорив мудростью гнев золотоордынского тирана. Военский подвиг Евпатия Коловрата и душевная сила Авдотьи Рязаночки не могли не коснуться поэзии Сергея Есенина.

Она была порождена народными, точнее – народно-крестьянскими представлениями о красоте современной и прошлой жизни. Его воззрения отличались устойчивой ясностью и преданностью многовековым традициям, незамутненностью мистическими наслоениями, несмотря на наличие религиозно-апокрифических мотивов, выполнявших условно художественную функцию. Народный взгляд на отечественную историю сказывается не только в стихотворениях на исторические темы, но и во всем творчестве поэта. В итоге сложился своеобразный художественный историзм, не похожий ни на одного из великих и малых предшественников и современников Сергея Есенина, как не похожа и сама его поэзия на все, что создано на русском языке.

Своеобразие художественного историзма, однако, далеко не означало, что Есенин не сближался во многом со своими современниками [1, с. 104] и не имел предшественников в русской поэзии. Его художественный историзм типологически стоит в одном ряду с такими поэтами, как М.Ю. Лермонтов, П.А. Катенин, А. Блок. Близость к этим поэтам сказывается прежде всего в нерасчлененности, в какой-то «комплексности» восприятия исторического, прошлого из жизни народа и его воплощении в образной системе. В каждом литературном произведении Есенина, посвященном истории или современности, мы видим неразрывное слияние устной народной поэзии, древнерусской литературы, современных и одновременно традиционных, многовековых представлений о прошлом, сложившихся в сознании народа. Разумеется, этот исторический комплекс восприятия поворачивался в каждом произведении различными гранями в зависимости от конкретной поэтической заданности. Не потому ли в произведениях Есенина на исторические темы почти невозможно более или менее определенно указать на исторические источники, которые легли в основу сюжетов и сюжетных мотивов [2, с. 133]?

В начале литературной деятельности художественно-исторические представления Сергея Есенина еще не имели своего теоретического осознания, они являлись естественным актом поэтического восприятия мира. Но затем, в предреволюционные годы, поэт осмысливает их и теоретически. Наиболее четко и своеобразно он излагает свои взгляды в известном письме А.В. Ширяевцу 24 июня 1917 года, когда шла подготовка к социалистической революции и наступило острое размежевание в поэтических лагерях. Сергей Есенин, противопоставляя себя и своих единомышленников Мережковскому, Зинаиде Гиппиус и другим «питерским литераторам», писал: «...они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы. Мы ведь скифы, принявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники. Им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина».

В этом признании метко указана суть художественно – исторической концепции поэта. Ее особенность составляют «крестьянская купница» как современная социальная основа, ее «скифское» древнейшее этническое происхождение (подобно блоковскому пониманию), восприятие византийской культуры глазами великого русского гуманиста эпохи Куликовской битвы Андрея Рублева в неразрывной связи с устно-поэтическими, фольклорными сказаниями и, наконец, размах и удаль казацкой вольности, исторически сложившиеся в характере русского народа.

Теоретические суждения Есенина сформировались после того, когда были созданы ранние исторические поэмы – «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Марфе Посадница». В этих поэмах слышны в первую очередь устно-поэтические и отчасти книжные исторические источники.

В поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» Сергей Есенин сам указывает, что о Евпатии бытовали народные песни в Рязанской земле:

От Ольшан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.

Их поют от белой вызнати

До холопного сермяжника.

В поэме точно обозначены и другие реальные места Рязанщины – Шехмино, Пилево. Поэтический контекст и поэтическая система Сергея Есенина, гармонично сплавливающая исторические, географические, бытовые и другие реалии с творческим вымыслом, указывают, что упоминаемые песни о Евпатии являются реалиями, что обстоятельно доказано в исследовании П.Ф. Юшина [3].

Известно, что поэма дошла до нас в двух редакциях. В первой редакции она названа – «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе», во второй просто – «Песнь о Евпатии Коловрате». В первой редакции – большие наслоения религиозных мотивов, весьма заметны следы древнерусской книжности и духовных стихов. Показательно, что здесь поле героической битвы рязанцев с полчищами Батыя представлено как «райские пашни – побрани», а гибель русских воинов в сражении как святое дело: «белы душеньки» павших в неравной битве удостоиваются сидеть «в саде райском». Последний мотив восходит к древнерусским воинским повестям, в частности, к «Сказанию о Мамаевом побоище», где гибель во имя общерусских интересов поэтически символизировалась в мотиве «священных венцов», который впоследствии станет традиционным в литературе и искусстве XVI–XVII веков. В первой редакции сражение Евпатия с Батыем изображается как спор «идолища с господом». Во второй редакции поэмы эти наслоения сокращены, но зато больше уделено внимания ратной удали. Заканчивается поэма как в первой, так и в окончательной редакции мотивом «чаши», приготовленной из черепа убитого воина или князя.

В поэме «Марфа Посадница» Сергей Есенин продолжает традиционный интерес поэтов-декабристов к новгородской боярской республике. Но если Радищев и декабристы видели в Новгороде исторические зачатки республиканского строя, то Сергей Есенин наполняет свою поэму пафосом разгульной вольницы.

Новгородской вольнице противопоставлен московский царизм. При этом борьба московского царя Ивана III с предводительницей новгородской вольницы

Марфой Посадницей представлена в поэме как противоборство дьявола с богом: бог на стороне Марфы, а дьявол – Ивана III.

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада:
«Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!»

Оказывается, московский царь не в состоянии задушить новгородскую свободу без помощи дьявола.

Царь вступил в сговор с сатаной. Марфа, в отличие от царя, связана с господом, она посылает к нему голубей за советом, как поступать в неминуемой схватке, и получает от бога неутешительный ответ:

«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою антихристу...».

Поэтическая система Сергея Есенина развивалась вместе с ростом народного самосознания. Но чем дальше шел революционный процесс в стране, тем реальнее выступали очертания революционных свершений и в связи с этим трансформировалась художественно-историческая концепция поэта.

В его творчестве преодолеваются христианские мотивы и реминисценции. Этот процесс был свойствен поэзии не только Сергея Есенина, но и других поэтов эпохи.

Список литературы

1. Базанов В.Г. Разрушение легенды // Русская литература. – №3. – 1980. – С. 104–114.
2. Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества. – М., 1978. – С. 133.
3. Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. – М.: МГУ, 1969.

Хунарикова Петимат Хамидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет, Россия, Грозный.

Бачалова Инна Бисолтовна – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет, Россия, Грозный.

Hunarikova Petimat Hamidovna – Cand. Philology, Associate Professor, Department of Russian and world literature, FGBOU IN «Chechen State University, Russia, Grozny.

Bachalova Inna Bisoltovna – Cand. Philology, Associate Professor, Department of Russian and world literature, FGBOU IN «Chechen State University, Russia, Grozny.
